

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
ПАРодНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

ЧАСТЬ СССХХ.

1898.

ДЕКАВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „В. С. Балашевъ и К^о“. Наб. Фонтанки, 95.

1898.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ	33
С. Ѳ. Платоновъ. Царь Василій Шуйскій и бояре въ 1606 г.	211
В. И. Модестовъ. О томъ, откуда пришли и кто были латиняне	226
В. Тиандеръ. Западныя параллели къ былиннамъ о Чурилѣ и Катеринѣ	271
А. С. Лапко-Данилевскій. Русскія промышленныя и торговыя компаніи въ первой половинѣ XVIII вѣка	306

КРИТИКА И ВИБЛІОГРАФІЯ.

В. В. Никольскій. <i>Г. А. Покровскій</i> . Право и фактъ въ римскомъ правѣ. Часть I. Право и фактъ, какъ матеріально основаніе исковъ (Actiones in jus et in factum conceptae). Кіевъ. 1898.	367
Н. И. Вакстъ. Учебникъ анатоміи и физиологіи человѣка и животныхъ, съ краткимъ очеркомъ жизнедѣятельности растеній. Составилъ <i>Н. А. Амисовъ</i> . С.-Пб. 1898.	392
Н. И. Вакстъ. <i>Иванъ Поповъ</i> . Краткія свѣдѣнія изъ анатоміи и физиологіи человѣка. Москва. 1897.	397
— Книжныя новости	404
— Наша учебная литература (разборъ 7 книгъ)	21

ОБВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

В. Пискорскій. Отчетъ о заграничной командировкѣ въ 1896 и 1897 году	19
Ап. И. Залѣвскій. Географическая секція X съѣзда русскыхъ естествоиспытателей и врачей въ Кіевѣ	48

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

А. Г. Маленинъ. Дѣйствительно-ли утрачена Грутерова рукопись Марціала?	97
Н. Кателовъ. Гераклиды, драма Еврипида	118

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

— Указатель статей, помѣщенныхъ въ неофіціальной части Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за время съ 1887 года по 1891 годъ (л. 19 и 20)	289
---	-----

О ВЪЯВЛЕНІИ.

Редакторъ **В. Васильевскій**.

(Вышла 1-го декабря).

ЦАРЬ ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ И БОЯРЕ ВЪ 1606 ГОДУ.

(Отрывокъ).

Воцареніе князя В. И. Шуйскаго и обстоятельства, которыми оно сопровождалось въ столицѣ и во всемъ государствѣ, представляютъ любопытнѣйшій и вмѣстѣ съ тѣмъ сложнѣйшій моментъ въ исторіи Смуты. Новому царю необходимо было по возможности скорѣе и точнѣе опредѣлять свои отношенія къ московской знати, съ которою ему предстояло править дѣлами, къ московскому населенію, которое скорѣе попустило, чѣмъ одобрило его воцареніе, и, наконецъ, ко всей прочей странѣ, которой еще надобно было объявить и объяснить происшедшій въ Москвѣ переворотъ. Не смотря на то, что царь Василій обнаруживалъ въ первое время своей власти большую энергію, и ловкость, его отношенія къ московскому обществу сложились въ общемъ дурно.

Извѣстно, какъ „обрали“ царя Василя на престолъ: его провозгласили царемъ совѣтники и сотрудники его въ борьбѣ съ „разстригою“ и поляками. Они пріѣхали въ Кремль, „взяли“ князя Василя на Лобное мѣсто, нарекли его тамъ царемъ и пошли съ нимъ въ Успенскій соборъ, гдѣ онъ тотчасъ-же сталъ „цѣловать всей землѣ крестъ“ на томъ, что не будетъ злоупотреблять поручаемою ему властью. Совершенно очевидно во всемъ этомъ церемоніалѣ предварительный уговоръ, главнымъ исполнителемъ котораго называютъ „Михалка“ Татищева, наиболѣе дерзкаго и грубаго во всей тогдашней думѣ человѣка. Сохранилось преданіе, что въ уговорѣ участвовали изъ большихъ бояръ, кромѣ самого Шуйскаго съ братьями, князья В. В. Голицынъ съ братьями, Ив. Сем. Куракинъ и И. М. Воротынъ

скій. Они положили по убіеніи самозванца „общимъ совѣтомъ Россійское царство управлять“, тому-же изъ нихъ, кто будетъ царемъ, не мстить никому за прежнія досады. Царство досталось Шуйскому потому, что Воротынскій будто-бы склонился въ его пользу противъ Голицына. Если это преданіе и не исполнѣе точно передаетъ факты, то оно исполнѣе правильно указываетъ лицъ, образовавшихъ княжеско-боярскую реакціонную партію. Шуйскіе и Воротынскій, Голицыны и Куракинъ — это какъ разъ тѣ фамиліи, которымъ въ то время принадлежало родословное первенство и которыя необходимо должны были выйти въ первые ряды при всякомъ княжеско-боярскомъ движеніи. Оставшіе послѣ Годуновыхъ и Самозванца распорядителями дѣлъ и не успѣвъ предупредить общаго избіенія поляковъ въ Москвѣ, эти князья отложили мысль о приглашеніи на московскій престолъ польскаго королевича (если только они эту мысль серьезно когда-нибудь имѣли) и рѣшили дать Москвѣ царя изъ своей среды. Шуйскій и былъ такимъ государемъ. Онъ получалъ власть изъ рукъ кружка, считавшаго за собою право распоряжаться царствомъ — „по великой породѣ своей“. Въ то-же самое время власть передавалась именно ему, потому что онъ всего ближе былъ къ ней опять таки по своей породѣ. Аристократическій принципъ руководилъ кружкомъ и получилъ свое выраженіе прежде всего въ тѣхъ манифестахъ, съ которыми Шуйскій тотчасъ по воцареніи обратился къ странѣ. Въ нихъ онъ неизмѣнно указывалъ на свое происхожденіе отъ Рюрика, „иже бѣ отъ Римскаго кесаря“, и называлъ московскій престолъ „отчиною прародителей нашихъ“. То обстоятельство, что на царствѣ онъ учинился по праву рожденія, онъ даже объявлялъ ранѣе народнаго „прошенія“, говоря, что онъ „за помочію великаго Бога принялъ скипетръ Россійскаго царствія по прародительской нашей царской степени и по моленью“ всѣхъ людей Московскаго государства. Тотъ-же аристократическій принципъ отразился косвенно и въ знаменитой „записи, по которой самъ царь цѣловалъ крестъ“ и которую иногда называютъ „ограничительною“ записью. Взглянемъ на ея содержаніе ¹⁾.

Самъ царь Василій въ первой своей грамотѣ о вступленіи на пре-

¹⁾ Ник. Лѣт., VIII, стр. 76.—Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 389—390.—Срви. Карамзинъ, XI, прим. 524, 568; XII, прим. 6; Лавух. Стен. книга въ рукописи Имп. Публ. Библ. Ф. IV. 597, л. 469 об.; *Отраленбергъ*, Das Nord-und Ostliche Theil von Europa und Asia, 1780, Ss. 200—202; *Голицкозъ*, Дѣянія Петра В., изд. 2-е, т. XII, стр. 203.—А. Э. II, стр. 110 и № 44; Русск. Ист. Библ. XIII, стр. 69—70.

столю говорить объ этой записи въ такихъ словахъ: „хотимъ держати Московское государство по тому-же, какъ прародители наши великіе государи Россійскіе цари, а васъ хотимъ жаловати и любити свыше прежняго и смотря по вашей службѣ; на томъ на всемъ язь царь... цѣловалъ животворящій крестъ всѣмъ людямъ Московскаго государства;... а по которой записи цѣловалъ язь, царь и великій князь, и по которой записи цѣловали бояре и вся земля, и мы тѣ записи послали къ вамъ“. Здѣсь нѣтъ ни слова объ ограниченіи власти, да еще въ пользу бояръ; напротивъ, царь указываетъ, что онъ цѣловалъ крестъ на томъ, чтобы править, какъ правила его полномостные „прародители“, цари XVI вѣка, и цѣловалъ онъ крестъ не боярамъ, а „всѣмъ людямъ“. И въ самой записи не найдемъ чего-либо похожаго на ограниченіе верховныхъ правъ, если не будемъ умышленно ударять на слова „не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими“ и думать, что упоминаніе о боярахъ значить здѣсь отказъ царя отъ правъ въ пользу его бояръ. Въ записи царь говоритъ: Божією милостію я вступилъ на прародительскій престолъ по желанію духовенства и народа и по праву родоваго старшинства. Нынѣ я желаю, чтобы подъ моею властью „православное христіанство“ пользовалось тишиною, покоемъ и благоденствіемъ. И потому „поволилъ есмь язь... „цѣловати крестъ на томъ, что мнѣ, великому государю. 1) всякого челоука, не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими, смерти не предати; 2) и вотчинъ и дворовъ и животовъ у братьи ихъ и у женъ и у дѣтей не отымати, будетъ которые съ ними въ мысли не были; 3) также у гостей и у торговыхъ и у черныхъ людей, хотя который по суду и по сыску доидеть и до смертныя вины, и послѣ ихъ у женъ и у дѣтей дворовъ и лавокъ и животовъ не отымати, будетъ съ ними они въ той випѣ невинны; 4) да и доводовъ ложныхъ мнѣ, великому государю, не слушати, а сыскивати всякими сыски накрѣпко и ставити съ очей на очи;... а кто на кого солжетъ, и сыскавъ того казнити, смотря по винѣ его“. На всемъ на томъ, на чемъ царь „поволилъ“ крестъ цѣловать, онъ его и цѣловалъ, повторивъ вкратцѣ изложенныя „условія“: „Цѣлую крестъ всѣмъ православнымъ христіаномъ, что мнѣ ихъ, жалуя, (1) судити истиннымъ праведнымъ судомъ, (2—3) и безъ вины ни на кого опалы своей не класти, и (4) недругомъ никому никого въ неправдѣ не подавати и ото всякаго насильства оберегати“. Въ этомъ резюме нѣтъ упоминанія о судѣ „съ бояры“, хотя очень точно передается сущность всѣхъ четырехъ пунктовъ ранѣе выраженныхъ обѣщаній. Между тѣмъ въ

окончательной формулѣ присяги упоминаніе объ ограниченіи въ пользу именно бояръ по существу дѣла было-бы совершенно необходимо. Но не боярамъ, а „всѣмъ православнымъ христіанамъ“ общается здѣсь „праведный судъ“, уничтоженіе опалъ безъ вины, отмѣна групповой отвѣтственности и искорененіе „ложныхъ доводовъ“, то-есть, клеветническихъ доносовъ и наушничества. Во всемъ этомъ очень трудно найти дѣйствительное ограниченіе царскаго полномочія, а можно видѣть только отказъ этого полномочія отъ недостойныхъ способовъ его проявленія. Здѣсь царь не поступаетъ своими правами, такъ какъ самъ говоритъ, что будетъ „держатъ царство“ по образцу своихъ „прародителей“, московскихъ самодержцевъ старой династіи; онъ общается лишь воздерживаться отъ причудъ личнаго произвола и дѣйствовать посредствомъ суда бояръ, который существовалъ одинаково во всѣ времена Московскаго государства и былъ всегда правоохранительнымъ и правообразовательнымъ учрежденіемъ, не ограничивающимъ однако власти царя.

Однимъ словомъ, въ „записи“ царя Василя нельзя найти ничего такого, что по существу ограничивало-бы его власть и было-бы для него юридически обязательно; только слова „съ бояры своими“ да необычный фактъ царской присяги на этой записи заставляютъ видѣть въ ней „политическій договоръ“ царя съ боярами. Скучность его содержанія ведетъ къ тому, что договоръ этотъ считаютъ неразвитымъ и направленнымъ исключительно „къ огражденію личной и имущественной безопасности отъ произвола сверху“. Это было такъ, говорятъ, потому, что боярство „не понимало необходимости обезпечивать подробными условіями свое общее участіе въ управленіи, и безъ того освященное вѣковыми обычаями“. Но въ такомъ случаѣ обязательство царя судить съ боярами въ правду, наказывать сообразно дѣйствительной винѣ и не слушать клеветниковъ было также излишне, потому что и безъ этого обязательства, по вѣковому народному воззрѣнію, царь долженъ былъ, по Писанію, „разсуждать люди Божьи въ правду“. Это очень хорошо толковалъ царь Алексѣй Михайловичъ, размышляя въ письмахъ къ кн. Н. И. Одоевскому, „какъ жить мнѣ государю и вамъ бояромъ“. Онъ никому креста не цѣловалъ и властью не поступался, а между тѣмъ, совсѣмъ какъ Шуйскій, говорилъ, что блюсти правосудіе даровано Богомъ государю и его бояромъ: Богъ „даровалъ намъ, великому государю, и вамъ, бояромъ, съ нами единодушно люди Его Свѣтвы разсудити въ правду, всѣмъ равно“. Именно потому, что Шуйскій хотѣлъ присягою обязать себя къ тому, къ

чему обязанъ былъ и безъ присяги, народъ въ церкви пробовалъ протестовать противъ намѣренія новаго царя. „Бояре и всякіе люди ему говорили, чтобъ онъ въ томъ креста не цѣловалъ, потому что въ Московскомъ государствѣ того не повелося; онъ-же никого не послуша—разказываетъ лѣтопись — и поцѣлова крестъ на томъ всемъ“. Между новымъ царемъ и его подданными выходило недоразумѣніе; царь предлагалъ обязательства въ пользу подданныхъ, а они не только стѣснялись ихъ принять, но и не совсѣмъ ихъ уразумѣли. Лѣтописецъ впоследствии не умѣлъ даже точно передать того, что говорилъ царь въ соборѣ; онъ записалъ его слова не согласно съ текстомъ подлинной подкрестной записи и нѣсколько невразумительно ¹⁾.

Дѣло разъяснится, если мы станемъ на ту точку зрѣнія, что „запись“ царя Василя есть не договоръ царя съ боярами, а торжественный манифестъ новаго правительства, скрѣпленный публичною присягою его главы и представителя. Царь Василя говорилъ и думалъ, что восстанавливаетъ старую династію и старый порядокъ своихъ прародителей „великихъ государей“. Старый порядокъ онъ понималъ такъ, какъ понимали люди его круга—родовитая знать, князата, задвленные опричиною и теперь поднявшіе свою голову. Это былъ порядокъ, существовавшій именно до опричнины, до того періода опалъ, когда московскіе государи стали „всеродно“ губить знать, отнимать родовыя земли, налагать опалы по подозрѣніямъ и доносамъ на цѣлыя группы княжеско-боярскихъ семей и вмѣсто великородныхъ людей на ихъ степени возводить людей худородныхъ ²⁾. Со смертію Бориса и его семьи окончился этотъ періодъ гоненія на знать и торжества дворцовыхъ временщиковъ съ ихъ роднею. Старая знать опять заняла первое мѣсто въ странѣ. Устами своего царя въ его записи она торжественно отрекалась отъ только что дѣйствовавшей системы и обѣщала „истинный судъ“ и избавленіе отъ „всякаго насильства“

¹⁾ В. О. Ключевскій, Боярская дума, гл. XVIII. — Письма царя Алексѣя Михайловича, изд. П. Бартенева, стр. 225 и 232; срви. А. Θ. Бмчкова, Описание рукописныхъ сборниковъ Императорской Публичной библіотеки, I, стр. 404—405. Источникомъ, откуда царь Алексѣй черпалъ на этотъ разъ свои мысли о царскомъ служеніи, былъ, вѣроятно, чинъ царскаго вѣнчанія (см. Е. В. Барсова, Древнерусскіе памятники свѣд. вѣнчанія царей на царство, стр. 57, 82), или же непосредственно глава 9-я Книги Премудрости Соломона.—Смк. Лѣт., VIII, стр. 76.

²⁾ Взглядъ свой на значеніе опричнины авторъ имѣлъ случай высказать на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, именно въ октябрьской книжкѣ 1897 года.

и неправды, въ которыхъ обвиняла предшествовавшія правительства. Вотъ каковъ, кажется намъ, истинный смыслъ записи Шуйскаго: она возвѣщала не новый политическій порядокъ, а новый правительственный режимъ, не умаленіе царской власти, а ея возвращеніе на прежнюю нравственную высоту, утраченную благодаря господству во дворцѣ недостойныхъ „рабовъ“. Не даромъ Шуйскій, по словамъ лѣтописи, упоминалъ въ Успенскомъ соборѣ о „грубости“, бывшей при царѣ Борисѣ; удобнѣе было связать ненавистный порядокъ съ именемъ этого „рабодаря“, чѣмъ съ именемъ Ивана Васильевича Грознаго, родъ котораго собирался продолжать царь Василій Ивановичъ.

Такъ въ записи царя Василя выразилось настроеніе аристократическаго кружка, владѣвшаго тогда Москвою и думавшаго править государствомъ. Желая возвратить дворецъ и государство къ давно утраченнымъ аристократическимъ тенденціямъ, этотъ кружокъ, вполне заслуживающій названіе реакціоннаго, долженъ былъ считаться со всѣми тѣми правительственными и общественными теченіями, которыя вели свое начало отъ поваго московскаго порядка и шли въ другія стороны. Во-первыхъ, новая дворцовая знать не вся была истреблена гоненіями и переворотами. Вернулся въ Москву два „Никитича“, Филаретъ и Иванъ; на лицо было нѣсколько Нагихъ; цѣль былъ Б. Бѣльскій; существовали въ думѣ даже нѣкоторые Годуновы; наконецъ, отъ „разстриги“ остались такіе „сановники“, какъ князь В. М. Рубецъ-Масальскій, Аванасій Власьевъ и Богданъ Сутуповъ. Во-вторыхъ, въ боярствѣ были люди высокой знатности, по далекіе отъ видовъ господствующаго кружка, однако такіе, безъ которыхъ не могла обойтись правительственная дѣятельность любого направленія. Первымъ изъ нихъ былъ кн. Ѡ. И. Мстиславскій, лишенный честолюбія бояринъ. Говорятъ, онъ грозилъ уйдти въ монастырь, если его выберутъ въ цари. За нимъ стояли многочисленные князья различныхъ колѣнъ Ростовскаго и Ярославскаго рода, князья Трубецкіе, далѣе— бояре не княжескаго происхожденія: Шереметевы, Салтыковы и многіе другіе. Со всѣми этими людьми кружокъ Шуйскаго долженъ былъ установить по возможности хорошія и на справедливости основанныя отношенія. Нѣкоторыхъ лицъ онъ привлекъ къ себѣ. Мстиславскій съ перваго же дня переворота дѣйствуетъ вмѣстѣ съ кружкомъ, слѣдуя своей обычной тактикѣ—уживаться съ господствующимъ режимомъ. Князья Трубецкіе, Никита Романовичъ, Юрій Никитичъ и Андрей Васильевичъ, на первыхъ порахъ также повидимому поладили съ Шуйскими. Близокъ къ нимъ казался и Ѡ. И. Шереметевъ;

напротивъ, П. Н. Шереметевъ, какъ увидимъ, сталъ въ оппозицію къ нимъ. Лицъ, которыхъ считали близкими къ Самозванцу, олигархи сослали въ дальніе города на воеводства: князя М. В. Рубца-Масальскаго—въ Корѣлу, М. Г. Салтыкова — въ Ивальгородъ, Бѣльскаго послали изъ Новгорода въ Казань, Ас. Власьева — въ Уфу. Мих. Оед. Нагой былъ лишенъ сана конюшаго; прочіе же Нагіе служили безъ опалы. Высшая служилая среда получала такимъ образомъ новую группировку, причѣмъ далеко не вся она была поставлена въ одинаковыя отношенія къ новому государю и его близкимъ. Боярство не было сплочено въ организованный кругъ, которому бы принадлежало, — если бы царская запись была ограничительною, — право участія въ государевомъ судѣ; въ то же время не все оно пользовалось въ одинаковой степени тѣми гарантіями, въ соблюденіи которыхъ царь такъ настойчиво желалъ присягнуть своему народу. Лѣтписецъ прямо говоритъ, что „царь Василій вскорѣ по воцареніи своемъ, не помня своего обѣщанія, начать мстить людемъ, которые ему грубиша: бояръ и думныхъ дьяковъ и стольниковъ и дворянъ многихъ розосла по городомъ по службамъ, а у иныхъ у многихъ помѣстья и вотчины поотнима“⁴. Такимъ образомъ торжественно заявленный въ минуту воцаренія принципъ справедливости и законности не былъ примѣненъ даже къ узкому кругу высшихъ служилыхъ людей; онъ остался простымъ указателемъ политическаго направленія, не ставъ дѣйствующею нормою живыхъ отношеній. Мудрено ли, что въ боярствѣ и дворянствѣ московскомъ княжата олигархи, окружавшіе Шуйскаго, не получили особой популярности? Если всѣ готовы были признавать за ними право на правительственное первенство въ силу ихъ родовитости, то очень многие не считали ихъ достойными этого первенства по ихъ личнымъ несовершенствамъ. Вотъ почему въ правленіе В. Шуйскаго было такъ много крамолъ и крамольниковъ, начиная съ первыхъ же недѣль его царствованія и вплоть до послѣдней крамолы, столкнувшей царя Василя съ престола¹⁾.

Всего неприятнѣе для царя Василя и вмѣстѣ съ тѣмъ всего загадочнѣе сложились его отношенія къ Романовскому кругу. Ко времени сверженія „разстриги“ Романовы успѣли уже собраться въ

¹⁾ Др. Рос. Вѣд. XX, стр. 77, 79—81. — Маржеретъ (въ 8-мъ изд. *Устрялова*) стр. 307. — Сказанія Современниковъ о Дни. Самозванца *Устрялова*, II, стр. 244, 250 (здѣсь называется кн. Василій Трубецкой вмѣсто Андрея Васильевича). — Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 332. — *Карамзинъ*, XII, стр. 5. — Ник. Лѣт., VIII, стран. 77.

Москву. Иванъ Никитичъ даже участвовалъ въ переворотѣ 17-го мая, прикнувъ къ руководителямъ заговора. Старецъ Филаретъ тоже не остался въ тѣни. Тотчасъ по воцареніи Шуйскаго онъ былъ посланъ за тѣломъ царевича Дмитрія, чтобы перевезти его изъ Углича въ Москву. Въ концѣ мая, именно 28-го числа, царь получилъ отъ него извѣщеніе изъ Углича, что мощи царевича найдены. Наканунѣ этого самаго дня (по новому стилю 6-го іюня) польскіе послы нѣли въ Москвѣ совѣщаніе съ боярами и отъ нихъ узнали, что тѣло царевича будетъ скоро перевезено въ Москву *на* патриархомъ Филаретомъ Никитичемъ. Что это слово „патриархъ“ не было опискою въ посольскомъ дневникѣ 1606 года, узнаемъ изъ документа 1608 года. Послы польскіе писали боярамъ, что въ Москвѣ нѣтъ должнаго уваженія даже къ патриаршескому сану: „За Бориса Іовъ былъ, и того скинуто, а посажено на патриарховство Игнатія Грека; потомъ за нынѣшняго господаря Грека того скинуто, а посажено на патриарховствѣ Θεодора Микитича, яко о томъ бояре думные по оной смутѣ въ Отвѣтной палатѣ намъ, посломъ, сами сказывали, менуючи, что по мощи Дмитровы до Углича послано патриарха Θεодора Микитича; а говорилъ тые слова Михайло Татищевъ при всихъ боярахъ. Потомъ въ колько недѣль и того скинули, учинили есте Гермогена патриархомъ. Итакъ теперь,—заключали послы свою ядовитую рѣчь боярамъ,—живныхъ патриарховъ на Москвѣ чотырехъ маєте“. Такой выходки нельзя было себѣ позволить безъ основанія, и потому приходится вѣрить, что Шуйскій первоначально намѣтилъ кандидатомъ въ патриархи именно митрополита Филарета, а затѣмъ между ними произошли какія-то недоразумѣнія и царь измѣнилъ выборъ. Подтверженіе этому находимъ въ одномъ изъ писемъ нунція Симонетты къ кардиналу Боргезе (изъ Вильны отъ 23-го апрѣля 1610). Со словъ ксендза Фирлея, короннаго референдарія, Симонетта сообщаетъ, что въ королевскомъ лагерѣ подъ Смоленскомъ ожидаютъ московскаго патриарха, которому настрѣчу король Сигизмундъ послалъ даже свою кароту. Здѣсь подразумѣвался нареченный „тушинскій патриархъ“ Филаретъ: какъ разъ въ то время Гр. Валуевъ отбилъ его отъ войскъ Рожинскаго, и Филаретъ поэтому попалъ не къ Сигизмунду, а въ Москву. Симонетта такъ характеризуетъ тщетно ожидаемаго поляками Филарета: „этотъ патриархъ—тотъ самый, который помогалъ дѣлу покойнаго Дмитрія (che promosse le cose del morto Demetrio) и за то подвергся преслѣдованію со стороны Шуйскаго, поваго (московскаго) царя, поставившаго на его мѣсто другаго патриарха, каковой и на-

ходится въ Москвѣ; упомянутый старый патріархъ (Филаретъ) держалъ также сторону новаго Лжедмитрія, а (теперь для него) наступилъ часъ смиренно предать себя его величеству (королю)⁴. Такимъ образомъ и послѣ пребыванія Филарета въ Тушинѣ поляки не забыли, что нареченіе его въ патріархи произошло въ Москвѣ, до Тушинскаго плѣна, и думали, что Шуйскій смѣстилъ его за приверженность къ первому самозванцу. Еще опредѣленнѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ показаніе Фирлея и Симонетты, звучатъ слова пана Хвалибога въ его извѣстномъ „донесеніи о ложной смерти Лжедмитрія перваго“. Онъ пишетъ, что „около недѣли (послѣ переворота 17-го мая) листы прибиты были на воротахъ боярскихъ отъ Дмитрія, гдѣ давалъ знать, что ушелъ и Богъ его отъ намѣнниковъ спасъ, которые листы намѣнники (то есть, лица, произведшіе переворотъ) патріарху приписали, за что его и сложили, предлагая Гермогена⁴. Здѣсь, какъ и въ письмѣ Симонетты, подъ именемъ патріарха мы должны разумѣть не Игнатія, а Филарета, такъ какъ Игнатій былъ сведенъ съ престола еще до воцаренія Шуйскаго, тотчасъ по сверженіи Самозванца, а Хвалибогъ разсказываетъ о событіяхъ нѣсколько позднѣйшихъ, когда въ московскомъ населеніи началось движеніе противъ самого В. И. Шуйскаго и поляки, задержанные къ Москвѣ, „другой революціи боялись“. Совокупность приведенныхъ извѣстій ставитъ внѣ всякихъ сомнѣній фактъ кратковременнаго пребыванія Филарета въ достоинствѣ названнаго патріарха московскаго. Въ теченіе мая 1606 года Филаретъ былъ поставленъ во главѣ московской іерархіи и вслѣдствіе какого-то замѣшательства вскорѣ же возвращенъ въ прежнее званіе митрополита ростовскаго. Именно этимъ слѣдуетъ объяснить то любопытное обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ первыхъ грамотахъ царя В. Шуйскаго иногда упоминался патріархъ, какъ дѣйствующее лицо, до пріѣзда въ Москву и посвященія Гермогена. Такія упоминанія грамотъ были замѣчены лѣтописцемъ, и ввели его въ ошибку, заставивъ сказать, что Гермогенъ вѣнчалъ царя Василія на царство, будучи еще митрополитомъ, а затѣмъ встрѣчалъ въ Москвѣ мощи царевича Дмитрія уже въ санѣ патріаршемъ. Въ этомъ же дѣлѣ съ патріаршествомъ Филарета находятъ свое объясненіе странности на первый взглядъ строки Ивана Тимоосева, въ которыхъ онъ упрекаетъ Шуйскаго за то, что тотъ воцарился такъ „спѣшнѣ, слико возможе того скорость“: „ниже первопрестольнѣйшему нареченій его возвѣсти... но яко просталюдина тогда святителя вмѣни, токмо послѣди ему о немъ изъяви“. Не Игнатію же надо было, по мнѣнію

Тимоѣева, докладывать воцареніе Шуйскаго; а Юву и нельзя было своевременно сказать о этомъ, потому что Ювъ былъ за нѣсколько сотъ верстъ отъ Москвы. Врядъ-ли можетъ быть сомнѣніе, что Тимоѣевъ разумѣетъ здѣсь Филарета, который, стало быть, уже считался „первопрестольнѣйшимъ“ въ моментъ воцаренія Шуйскаго. Наконецъ, въ томъ же замѣшательствѣ съ Филаретомъ кроется причина, по которой такъ замедлилось поставленіе въ патриархи Гермогена. Шуйскій вообще очень спѣшилъ съ восстановленіемъ порядка въ государствѣ: сѣлъ на царство 19-го мая, не ожидая собора, вѣнчался на престолъ 1-го іюня, не ожидая патриарха; только поставленіе патриарха затянулось на нѣсколько недѣль, до 3-го іюля. Произошло это оттого, что первый названный патриархъ, то есть Филаретъ, былъ „скинутъ“ послѣ 27-го мая (6-го іюня), а второй, Гермогенъ, не могъ скоро пріѣхать изъ Казани, гдѣ онъ былъ митрополитомъ. Если въ Москвѣ только въ концѣ мая пришли къ рѣшенію вызвать его въ Москву, то онъ не могъ поспѣть въ столицу ранѣе конца іюня: обсылка съ Казанью требовала около мѣсяца времени ¹⁾).

Нѣтъ возможности точно объяснить, что произошло между Романовыми и Шуйскими; но возможно построить догадку. Маржеретъ даетъ для этого цѣпныя свѣдѣнія. Спутывая послѣдовательность событій и прегрѣшая въ хронологіи, онъ даетъ общій очеркъ положенія дѣлъ въ первые дни царствованія царя Василія и между прочимъ разказываетъ, что тогда возникъ заговоръ въ пользу Мстиславскаго, зачинщикомъ котораго былъ П. Н. Шереметевъ, но женѣ

¹⁾ А. Э. II, стр. 110.—Сказаніе современниковъ о Дим. Самозванцѣ *Устрѣлова*, II, стр. 254.—Акты Зап. Россіи, IV, стр. 287; сравн. Supplementum ad Hist. Russiae Monumenta, стр. 430.—Historica Russiae Monumenta, II, № 107. Напрасно въ заглавіи этого документа редакторъ поставилъ имя Игнатія: Игнатій въ то время былъ въ заточеніи въ Москвѣ и получилъ свободу лишь годомъ позже (см. *Макарій*, Ист. р. церкви, X, стр. 157, и Ник. Лѣт. VIII, стр. 160; сравн. *Мархоцкаю*, Historia Wojny Moskiewskiej, стр. 82; Русск. Истор. Библ., I, стр. 592, и Ник. Лѣт. VIII, стр. 131).—Временникъ М. О. Ист. и Др., XXIII, Смѣсь, стр. 3—4.—Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 389—390.—О времени поставленія въ патриархи Гермогена *Макарій*, Ист. р. церкви, X, стр. 130; *С. Платоновъ*, Древнерусскія сказанія и повѣсти о Смугномъ времени, стр. 257, примѣчаніе.—Упомянутое, что царь Василій учинился на царствѣ по моленію *патриархи* и всего государства, находится въ грамотахъ, которыя заключали подробное изложеніе переворота 17—19 мая и были разсылаемы въ теченіе второй половины мая и первой іюня. Сравн. С. Г. Гр. и Д. II, стр. 310; А. Э. II, стр. 110; Русск. Истор. Библ., XIII, стран. 82, Ник. Лѣт. VIII, стр. 76, 78.

близкій родственникъ Мстиславскому и Нагимъ. Вина Шереметева открылась въ его отсутствіе изъ Москвы, по поводу внезапнаго народнаго скопища, кѣмъ то собраннаго въ воскресный день на площадь передъ дворцомъ. Шуйскій, по мнѣнію Маржерета, спасся только потому, что, во время замѣтивъ волненіе, не показавшись изъ дворца и успѣвъ предупредить дальнѣйшее скопленіе черни. Захватили пятерыхъ изъ толпы, били ихъ кнутомъ и сослали, а въ разговорѣ объявили, что виною всему дѣлу П. Н. Шереметевъ, а не Мстиславскій. Шереметева, котораго судили въ его отсутствіе, потомъ сослали, и до Маржерета дошелъ несправедливый слухъ, что его отравили. Новая опасность, продолжаетъ Маржеретъ, грозила царю Василю во время перенесенія тѣла царевича Дмитрія, 3-го іюня, когда чернь обнаружила снова вражду противъ царя. Последнее замѣчаніе, не смотря на всю хронологическую путаницу разказа, даетъ намъ нѣкоторое основаніе думать, что скопище, повлекшее за собою обвиненіе Шереметева, собралось въ Кремлѣ раньше перенесенія мощей царевича Дмитрія, то-есть, въ концѣ мая. Воскресный день, къ которому приурочивается у Маржерета народное волненіе, приходился на 25-е мая; именно къ этому дню и Паерле относитъ (считая по новому стилю 4-го іюня) страшное волненіе народа, направленное на бояръ и Шуйскаго. Въ это время П. Н. Шереметева, дѣйствительно, не было въ Москвѣ, потому что онъ съ митрополитомъ Филаретомъ ѣздилъ за мощами царевича въ Угличъ и вернулся въ Москву только къ 3-му іюню. Что въ тѣ дни въ Москвѣ происходила нѣкоторая политическая тревога, удостовѣряется грамотою царя Василя отъ 29-го мая въ Кирилловъ монастырь: въ ней царь приказываетъ игумену Кирилловскому выдать царя Симеона Бекбулатовича, въ то время уже „старца Стефана“, приставу Ѡ. Супоневу, который и долженъ былъ ѣхать со старцемъ „гдѣ ему велѣно“. Известно, что старца тогда увезли въ Соловки; если вспомнимъ, что онъ былъ женатъ на сестрѣ кн. Ѡ. И. Мстиславскаго, то поймемъ, почему о злополучномъ старцѣ вспомнили въ то время, когда открыли заговоръ въ пользу его шурина. Съ другой стороны, время ссылки Симеона Бекбулатовича утверждаетъ насъ въ мысли, что вся исторія, разказанная Маржеретомъ, правильно отнесена нами на конецъ мал 1606-го года. Итакъ, въ то время, когда названный патриархъ Филаретъ съ княземъ И. М. Воротыцскимъ и П. П. Шереметевымъ открывали мощи подлиннаго царевича Дмитрія, въ Москвѣ открыли заговоръ противъ царя Василя. Шуйскій увидѣлъ противъ

себя имена Мстиславскаго, Шереметева, —лицъ, принадлежащихъ къ тому слою дворцовой знати, который первенствовалъ во дворцѣ до послѣдняго торжества Шуйскаго съ его родословнымъ принципомъ. Во главѣ же этого слоя стояли Романовы, родственники Шереметевымъ и тому же Мстиславскому. Уже въ одной этой близости должны мы искать причину подозрѣній Шуйскаго противъ Романовыхъ и ихъ родни. Еслибы Шуйскій даже и не нашелъ никакой улики противъ Филарета въ майскомъ заговорѣ, онъ просто могъ бы побояться имѣть его около себя въ санѣ патриарха. Разъ ему пришлось убѣдиться въ томъ, что среда нетитулованныхъ бояръ мало расположена къ нему, онъ долженъ былъ особенно страшиться передать ея представителю и вожаку патриаршескую власть съ ея громаднымъ авторитетомъ и обширными средствами. А можетъ быть, у Шуйскаго, помимо общихъ соображеній были и болѣе положительныя основанія для того, чтобы опасаться Романовыхъ. Есть, напримѣръ, указаніе, что тотчасъ же послѣ смерти Самозванца въ Московскомъ государствѣ пошли толки о томъ, будто бы во главѣ правленія теперь долженъ стать кто-либо изъ Романовскаго рода. Нѣмецкое донесеніе изъ Нарвы отъ 27-го мая, разумѣется, составленное по рѣчамъ русскихъ Ивангородцевъ, прямо говоритъ объ этомъ („das einer von den Romanowitzen soll gubernator sein“). Подобные слухи могли дойти и до самого царя Василія и, конечно, должны были его смутить. Но изъ словъ Хвалибога и Симонетты можно заключить, что были еще и иного рода толки о Филаретѣ: его считали сторонникомъ перваго Самозванца, не измѣнившимъ ему и послѣ роковаго переворота 17-го мая; признавали Филарета даже причастнымъ къ тому движенію противъ Шуйскаго, которое было возбуждено подметными письмами и разыгралось въ уличный беспорядокъ 25-го мая. Очень трудно понять, какъ могъ Филаретъ Никитичъ въ одно и то же время открывать въ Угличѣ мощи настоящаго царевича Дмитрія и агитировать противъ Шуйскаго во имя самозваннаго царя Дмитрія. Можно съ полнымъ основаніемъ заподозрить и отвергнуть достоверность подобныхъ обвиненій; но совершенно неизбѣжно съ ними считаться при объясненіи того, чѣмъ руководился царь Василій въ своемъ недоверіи къ Филарету и его роднѣ. Въ смутные дни своего воцаренія, еще не овладѣвъ окончательно властью, Шуйскій долженъ быть всего остерегаться и всѣхъ подозрѣвать. Для него было достаточно и неосновательнаго повода, чтобы принять мѣры противъ такихъ вліятельныхъ и притязательныхъ бояръ, каковы были Романовы. Въ

томъ, что Шуйскій боялся не одного только Филарета, а всего вообще круга его близких и друзей, убѣждаетъ насъ внезапная отставка отъ должности кравчаго князя Ив. Бор. Черкаскаго, извѣстнаго намъ по „дѣлу Романовыхъ“ племянника Никитичей. Онъ игралъ уже въ 1601 году видную роль среди своей родни и потому былъ тогда особенно заподозрѣнъ. Шуйскій сдѣлалъ его кравчимъ послѣ ссылки въ монастырь князя Ив. А. Хворостинина, бывшаго въ этой должности при Самозванцѣ, но вскорѣ же и оставилъ — не извѣстно, за какую вину. Есть данныя думать, что царь Василій имѣлъ основаніе бояться Романовскихъ племянниковъ и зятей. Во всякомъ случаѣ оскорбленіе, нанесенное царемъ Василюмъ въ дѣлѣ о патриаршествѣ старшему Никитичу, не могло быть прощено и забыто Романовскимъ родомъ. Одно это дѣло, помимо всѣхъ прочихъ счетовъ, должно было поставить этотъ родъ далеко отъ новой династии, въ ряды ея недоброжелателей, а въ удобную минуту — и явныхъ враговъ ¹⁾.

Какъ видимъ, отношенія царя Василя и стоявшихъ за нимъ князья къ другимъ кругамъ московской знати сложились неудовлетворительно. Новый царь не пользовался общимъ признаніемъ со стороны высшаго служилаго люда и въ первые же дни власти имѣлъ уже дѣло съ боярекою крамолою и считалъ себя вынужденнымъ смѣнить названнаго патриарха. Боязнь новой крамолы заставила его спѣшно вѣнчаться на царство, всего черезъ двѣ недѣли по воцареніи, и притомъ безъ обычной пышности, „въ присутствіи болѣе черни, чѣмъ благородныхъ“, какъ замѣтилъ одинъ иностранецъ. Царя вѣнчалъ даже не патриархъ, а новгородскій митрополитъ Исидоръ; за то вѣнчанный царь свободно и безъ прекословія могъ перемѣнить имъ сдѣланный выборъ патриарха. Когда съ іюля рядомъ съ вѣнчаннымъ царемъ сталъ поставленный тѣмъ же Исидоромъ патриархъ Гермогенъ, дѣло организациі правительства было закончено, и бояре-князата, казалось бы, могли сказать, что ихъ цѣль достигнута. Однако въ

¹⁾ Маржеретъ (въ изд. Устрялова стр. 307 — 308; во французскомъ *Стевенуа*, 1855 года, стр. 89—91).—А. П. Барсуковъ, Родъ Шереметевыхъ, II, стр. 114—115, 119—120.—Паерле (въ изд. Устрялова), стр. 201.—А. Э. II, № 45.—А. Ф. Бычковъ, Описание рукописныхъ сборниковъ Имп. Публичной библіотеки, I, стр. 38.—Чтенія М. О. И. и Др. 1893 г., I, Датскій архивъ, стр. 178, 300—301.—Древн. Росс. Визл., XIX, стр. 885; XX, стр. 82 и 78.—С. Платоновъ, Древнерусскія сказанія и повѣсти, стр. 184; тамъ же, стр. 211, — объ имѣннѣ Шуйскому родни Романовыхъ въ 1608 году.

ихъ собственной средѣ врядъ ли существовало согласіе и взаимное довѣріе. Не ограниченный формально въ своей власти, В. Шуйскій не былъ расположенъ ничѣмъ стѣсняться и, по словамъ лѣтописи, началъ „мстити“ тѣмъ, кого считалъ своими недругами, кто ему „губилъ“; а олигархи, окружавшіе его,—Голицыны. Куракины и Воротыпскій,—смотрѣли на царя, какъ на своего ставленника и держали себя съ извѣстною независимостью. Современники замѣчали, что въ тѣ дни бояре въ Москвѣ имѣли болѣе власти, нежели царь. Въ присутствіи Маржерета Шуйскій во дворцѣ самъ упрекалъ окружающихъ бояръ въ своеволиіи и козняхъ, говоря при этомъ, что они имѣютъ власть низложить его открыто и прямо, если не желаютъ ему повиноваться. Во всѣхъ этихъ и подобныхъ сообщеніяхъ проглядываютъ намеки на разстройство олигархическаго кружка. Онъ сплотился лишь на короткое время, чтобы сломить своихъ недруговъ и взять у нихъ власть; но, достигнувъ успѣха, оказался неспособнымъ для дружной дѣятельности и согласнаго управленія странюю. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе и болѣе вскрывался разладъ въ этой высшей боярской средѣ; мало-по-малу яснѣе дѣлалось охлажденіе стороны Голицыныхъ къ сторонѣ Шуйскихъ, пока, наконецъ, В. В. Голицынъ не принялъ открытаго участія въ низведеніи царя Василія съ престола ¹⁾.

С. Платоновъ.

¹⁾ Сказанія современниковъ о Дмитріѣ Самозванцѣ *Устрялова*, II, стр. 170.—А. Э. II, № 47.—*Макарій*, Исторія русск. церкви, X, стр. 180.—*Маржереть* (въ изд. *Устрялова*), стр. 307—308.